

Элис Бродвей

ВСПЫШКА

Книга вторая

Роман

МОСКВА
2019

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4ВсЛ)445

Б87

Alice Broadway SPARK

Перевод с английского

Веры Гордиенко

Бродвей Э.

Б87 Вспышка : роман. Трилогия. Книга вторая. / Элис Бродвей ; пер. с англ. Веры Гордиенко. – М. : ООО «Издательство Робинс», 2019. – 368 с., ил.

ISBN 978-5-4366-0540-1

Мир Леоры Флинт раскололся надвое, когда она узнала правду о своём происхождении. Она оказывается перед страшным выбором: работать на людей, которые безжалостно манипулировали её чувствами, или навсегда стать изгоем? Чтобы спасти близких, Леора уходит в город пустых, жителей которого ещё недавно считала злейшими врагами...

Это история о правде и лжи, о старых врагах и новых друзьях, о предательстве и прощении.

У медали всегда две стороны. Вы почувствуете это своей кожей.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(7США)445

Scholastic Children's Books An imprint of Scholastic Ltd.
Euston House, 24 Eversholt Street, London, NW1 1DB, UK
Registered office: Westfield Road, Southam, Warwickshire,
CV47 0RA SCHOLASTIC and associated logos are trademarks and/or
registered trademarks of Scholastic Inc.

First published in the UK by Scholastic Ltd., 2018

Text © Alice Broadway, 2018

The right of Alice Broadway to be identified as the author of this work has been asserted by her.

All rights reserved.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2019

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей.

ISBN 978-5-4366-0540-1

Рэйчел, Хейли и Кэрис посвящаю

Глава первая

Прогулка по лесу... Просто так по лесу не гуляют. В сказках уж точно. Брата с сестрой бросают в чаще. Девочка в красном сворачивает не в ту сторону – и встречает волка. Красавица находит замок, а в нём – чудовище. В лесу творятся чудеса и происходит страшное. Интересно, чем кончится моя сказка? Не знаю.

Знаю лишь, что среди деревьев холодно и пахнет сыростью. Невидимые лесные жители разбегаются, заслышав мои шаги, а следом будто кто-то крадётся, не давая спокойно вздохнуть. Не я выбрала эту дорогу, но пройти этот путь я должна до конца. Что ждёт меня? Волк? Злая ведьма? Чудовище? Возвращаться нельзя... Не знаю, что откроется за деревьями, но дома ещё опаснее. Я должна отыскать Фетерстоун – больше мне идти некуда.

Лесной туман пахнет дымом. Такой же смрад окутал меня на церемонии взвешивания, когда сожгли папину книгу. Я упрямо шагаю вперёд. Ботинки, облепленные листьями, скользят по влажной земле, с каждым шагом ноги всё сильнее мёрзнут. Дым... его запах навечно застрял

у меня в лёгких. Повернуть бы время вспять и потушить тот огонь во Дворце правосудия! Я думала, что смогу изменить мир, но вышло только хуже.

Обель сказал, что путь свободен и я без труда найду дорогу. Он ошибся. С каждым шагом мне слышится шелест: «Потерялась, заблудилась, потерялась, заблудилась...» Так поют моя душа, и кости, и кожа.

Глава вторая

Я получила официальное приглашение «обсудить недавние события». Однако за вежливыми фразами письма угадывался безоговорочный приказ. У двери в кабинет мэра я немного замешкалась и попыталась успокоиться, положив руку на грудь, где Обель, мой наставник, вытатуировал великолепную, раскинувшую крылья птицу. В тот вечер сила была на моей стороне – я открыла знак вóрона и произнесла вслух имена забытых. В моём поступке увидели угрозу сложившемуся порядку. Этого я и добивалась. И теперь, уже не в первый раз, оставалось только гадать, как повернётся моя жизнь.

Когда я вошла в просторную тёплую комнату, уставленную вдоль стен книжными шкафами, мэр Лонгсайт встал. Он обошёл письменный стол и протянул мне руку. Немного поколебавшись, я её пожала. Возле стола, сбоку, сидела Мел, наша рассказчица. Она не шевельнулась и не произнесла ни слова, но, забывшись на минуту, радостно улыбнулась мне. Неужели она скучала? Покачав головой, я прогнала эти мысли. Мел предала меня – разве такое забудешь?

Мэр Лонгсайт жестом предложил мне сесть и опустился в своё кресло. Теперь нас разделял массивный деревянный письменный стол. Я с облегчением вздохнула – мэр по-прежнему не скрывал своих знаков, рядом с его нагим телом я чувствовала себя неловко. Обтянутый тёмно-бордовой кожей стол был пуст, если не считать ручки с золотым пером, чернильницы и стопки простой плотной бумаги. Мэр Лонгсайт заговорил первым:

– Я рад, что вы согласились встретиться со мной, мисс Флинт.

Можно подумать, у меня был выбор!

– Полагаю, нам следует обсудить тот маленький спектакль, который вы устроили на церемонии чтения имён. Вы не против?

Спектакль! Он что, собирается отчитать меня как непослушного ребёнка? Горячая кровь прилила к моим щекам. Лонгсайт откинулся на спинку кресла, ожидая ответа. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить ощущение силы, захлестнувшей меня той ночью. Обель потом уверял меня: «Ты не сделала ничего плохого, девочка моя. Напугала их – вот и всё».

– Мы подробно обсудили твои поступки, Лео-ра, – устало, будто скрывая зевоту, произнёс мэр. – Мел защищала тебя, не жалея сил. Она верит, что в тебе ещё много хорошего.

Его взгляд проникал мне в самую душу. Я опустила глаза.

– Наша рассказчица считает, что мы поторопились, возложили на тебя слишком большие надежды.

Мел почтительно молчала, не поднимая глаз. Как мне хотелось услышать её голос, встретиться с ней взглядом! Заполучить в наставницы Мел – большая честь. Мне всегда казалось, что рассказчица понимала меня, как никто другой. С ней можно было не скрывать мыслей и чувств. Ко мне вернулся голос:

– Вы меня обманули. – Я смотрела на Лонгсайта, но обращалась и к Мел. – Вы дёргали меня за верёвочки как куклу, подбрасывая нужные сведения.

Передо мной снова возник зал во Дворце правосудия, мама, друзья и знакомые, тени, пляшущие на стенах, и я... Я молча смотрела, как Джек Минноу бросил в огонь папину книгу. Как умно они всё устроили! Я по собственной воле отреклась от родного отца. Отвернулась от человека, который меня вырастил и воспитал. Истина открылась мне слишком поздно.

– Вот как? – Мэр подался вперёд, опершись локтями о стол. – А теперь послушай, что я тебе расскажу. Жила-была девушка, дочь и внучка пустых, и знать не знала своих предков. Мы лишь исполнили нашу святую обязанность и открыли тебе правду, уж коли женщина, называвшая себя твоей матерью, не решилась. Мы не только помогли тебе узнать истину, но и предложили достойное место в обществе,

право и возможность служить людям. Мы защитили бы тебя от узколобых, недалёких жителей нашего города... Думаешь, всякий примет пустую?

Я – пустая. Вот и всё. Страшное слово прознесено. Я слишком долго не знала правды и привыкала к новому образу болезненно, будто разношивала тесные ботинки. Моя мать, как оказалось, мне не родная. Жизнь мне дала совсем другая женщина – пустая. Её кровь струится по моим жилам, она живёт в каждой клетке моего тела. Вот почему я так не похожа на всех вокруг. На моей коже есть метки, с этим не поспоришь, но сердце моё наполовину пустое. Я пустая – и всё же покрыта знаками. Таких, как я, больше нет. А в Сейнтстоуне ничего опаснее быть не может.

Лонгсайт сказал правду. Никто – ни мама, ни Обель, ни родители Верити, Джулия и Саймон, – не пожелал рассказать мне правду. И даже Оскар, тот парень, который мне нравился, наверное, знал больше, чем было известно мне самой. В последний раз я видела Оскара, когда он отдал мне клочок папиной кожи – единственный уцелевший после сожжения книги. Мы с Оскаром больше не верим друг другу, нам не о чем говорить, но я часто думаю о нём. Один лишь Лонгсайт рассказал мне то, что я так стремилась узнать. Вот только... что же мне теперь с этим делать?

– Мне никогда не понять, о чём ты думала, выбирая последнюю метку, – прервал мои размышления мэр, кивнув на голову вóрона у моей шеи, так искусно вычерненную Обелем. – Да... мы слишком много на тебя взвалили.

Он не знал. Да и откуда ему было знать, что вóрон возник на моей груди ещё до того, как меня коснулся чернильщик! Знак вóрона много ночей подряд снился мне, и лишь потом его очертания проявились на моей коже. Розовые и лиловые линии засияли на мне как по волшебству – и я всё поняла. По моей просьбе Обель увековечил это послание на моём теле. Меня не запугать.

– Мы ошиблись, Леора. Признаю. – Лонгсайт опустил голову. – Мел горячо, всем сердцем верит в нашу правоту, как и Джек Минноу. Однако сильные чувства... скажем, иногда захлёстывают, застилают глаза.

Мел смущённо заёрзала в кресле. Почему она не добавит ни слова? Рассказчица наделена властью – она выше любого из горожан. Из уст Мел звучат истории, по которым живёт весь Сейнтстоун, и всё же она покорно молчит. Странно. Она что-то скрывает.

– Они глубоко сожалеют, что причинили тебе боль.

От этих слов я дёрнулась, будто меня ударили. Ложь! Да Минноу не знает слова «сожаление».

– Мы не злодеи, Леора, – криво улыбнулся мэр. – И это не сказка. Мы искренне верили, что с твоей помощью жизнь в Сейнтстоуне станет лучше, безопаснее. Ты ведь такая одна, понимаешь? Ты и пустая, и отмеченная. И, несмотря на своё происхождение, ты на нашей стороне, верна нашему учению. Не помешала даже кровь твоей матери-отступницы. – Я покачала головой, но Лонгсайт склонился ко мне, бурявя взглядом. – Подумай хорошенько, Леора. От такого дара не отказываются. Да при одной мысли о мужчине, который приводит на своё ложе пустую женщину... – Мэр содрогнулся. – Однако из этого невероятного союза вышло нечто хорошее. Для людей ты символ надежды, новых возможностей. Пустая свернула на дорогу истины... Знаю, знаю, наша дорогая Мел произнесёт речь о мире и согласии, о том, как в тебе сошлись Мория и её сестра, Белая Ведьма. Однако меня детскими сказками не проведёшь. – Мэр взглянул на рассказчицу – на её лице не дрогнул ни один мускул. – На всех не угодишь, Леора. Скажу честно, я нахожусь в крайне неприятном положении. Закон о выселении защитил нас, но лишь на некоторое время. Два города жили мирно, не мешая друг другу. Это непростое перемирие, согласен, но даже такой мир лучше любой ссоры. Однако пустые слишком долго испытывали моё терпение, раз за разом нарушая все пункты нашего договора. Я не стану молча смотреть, как пустые жгут, грабят

и унижают наших граждан. Договор должны соблюдать обе стороны. Пустые не слушают уговоров. Их необходимо уничтожить – и так будет. В этом у меня сомнений нет. Сейчас ты особенно нужна нашему народу.

И тогда на меня свалилась огромная тяжесть – я в конце концов поняла, что натворила. Я отказалась от своего места в обществе, собственными руками разрушила право работать, жить и быть счастливой – сломала своё будущее. Я всего лишь хотела быть чернильщицей, учиться, узнавать новое.

– У меня не было выбора, – попыталась объяснить я, даже не задумываясь, сколько правды в моих словах. – Или, по крайней мере, выбор был очень ограничен: либо я работаю на вас, либо меня объявляют изгоем, забытой. – Я посмотрела Лонгсайту в глаза. – И раз уж пришлось выбирать, то я предпочла стать изгоем.

– Это далеко не единственная возможность, – грустно улыбнулся мэр, будто уговаривая капризного ребёнка.

«А если ты действительно всего лишь капризная девчонка, – зашептал мне на ухо едва слышный голосок, – зачем они с тобой возятся?»

Я отбросила с лица чёлку и посмотрела Лонгсайту в глаза:

– Скажите: пустые действительно нам угрожают?

Стало очень тихо. В комнате было жарко натоплено, однако я вздрогнула от озноба.

– И угроза эта куда более реальна, чем ты можешь себе представить, Леора, – тихо ответил наконец Лонгсайт.

Я слотнула подступивший к горлу ком.

– Чего же вы хотите?

Он вздохнул:

– Всего лишь мира, Леора... для людей. Они доверились мне, и я за них в ответе, я их люблю.

Не понимаю... он действительно любит людей или ему нравится видеть, как мы исполняем его желания?

Мэр снова заговорил:

– Из искры недовольства одной юной чернильщицы быстро разгорится настоящее пламя. Одной твоей выходки было достаточно, чтобы смутить жителей, поколебать их веру. Ты пустая, но на твоей коже есть знаки. Твоего отца объявили забытым, но ты заставила нас его помнить. Ты посеяла семена недоверия. Я хочу, чтобы ты исправила свою ошибку. Вот зачем ты нам нужна. Да, конечно... – Он повысил голос, не давая мне вставить и слова. – Действовать придётся тебе. Люди ждут. Они хотят увидеть, как ты поступишь. Так помоги нашему городу, своей семье и друзьям – покажи свою верность, искупи вину, и мы снова станем едины и сильны духом. Я знаю, как тебе доказать своё искреннее раскаяние.

Чувство вины охватило меня куда быстрее, чем гнев. На плечи мне будто опустился тяжкий груз. Из-за меня дрогнул мой маленький

мир – друзья и близкие. Неотрывно изучая выражение моего лица, мэр Лонгсайт произнёс:

– Ты пойдёшь в Фетерстоун.

Бессмыслица какая-то.

– В Фетерстоун? – Я не узнала собственный голос. – За-зачем?

– Потому что моё терпение на исходе. Я устал выносить вероломство и жестокости пустых. Пора с ними покончить. И поможешь нам ты. – Мэр задумчиво улыбнулся. – Поживёшь среди пустых. Сама увидишь, каковы они. А потом расскажешь мне, чего они хотят. И когда придёт время, пустые тебе доверятся, а ты выступишь против них, на нашей стороне. Кое-что нам известно о пустых наверняка, однако о многом мы только подозреваем. Больше всего я боюсь, что противник куда опаснее, чем мы полагаем. Джек Минноу прав: пока жив хоть один пустой, нам есть чего бояться. Джек уверен, что битвы между пустыми и отмеченными не избежать. Жители Сейнтстоуна не хотят войны. Мы привыкли жить в мире. – Его улыбка лучилась великодушием, однако глаза поблёскивали сталью. – Мне нужны доказательства злодеяний пустых, чтобы объединить наших граждан, сплотить их на борьбу. Поверь, Леора, я очень долго терпел. Будь на моём месте Джек Минноу, он бы давно выкурил пустых, вывел их на чистую воду, передавил как паразитов.

– У меня есть выбор? – едва слышно прохрипела я, когда наконец смогла говорить. – Вы требуете, чтобы я уничтожила целый город.

К моему удивлению, ответила Мел:

– Выбор есть всегда, моя милая. – Она вздохнула и словно вернулась из мира безмолвных теней, заняв своё место, ожив до последней клеточки своего величественного тела. – Выбор есть у каждого... и у нас тоже.

Лонгсайт со вздохом откинулся на спинку кресла, однако взмахом руки позволил Мел продолжать. Её голос зазвучал как виолончель – в нежной мелодии переплелись печаль и надежда.

– Леора, ты и сама знаешь, что совсем не похожа на остальных.

Я хмуро смотрела на рассказчицу – ничего подобного я знать не знала, но она улыбалась, и, как раньше, её улыбка лучилась любовью. Верой.

– Не только потому, что ты одновременно пустая и отмеченная, – в тебе есть удивительная отвага.

Мел привычно кивала в такт словам, и я вспомнила, как её рассуждения поддерживали меня раньше, когда рассказчица была моей наставницей. Теперь приходилось держать сердце взаперти, не поддаваясь на сладкие речи.

– В тебе столько огня, столько страсти – я никогда не встречала подобного. Вот почему твоя ошибка так ранила меня. Мы испугали

тебя, потребовали слишком многого, и я признаю свою ответственность... В кощунственном чтении имён забытых виновата я.

Я закрыла глаза. Была ли то моя победа или отступничество? Я прочла вслух имена забытых вместе с именами достойных. Я взяла на себя роль судьбы, говорила от лица предков, правителей, всего общества.

– Прошлое можно изменить. – Мел произнесла это тихо, глухим голосом. Она наверняка знала, что её слова столь же кощунственны, сколь мои поступки. Однако рассказчица посмела произнести их в присутствии Лонгсайта. – Скажем прямо: ты совершила преступление, и нам не составит труда предъявить тебе обвинение и потребовать суда. Ты знаешь, какая расплата тебя ждёт.

Я вздрогнула, вспомнив Коннора Дрю, отца Оскара, и то, как ему при всех, на площади, нанесли знак вóрона. Знак забытых. В тот день мой мир раскололся.

– Однако правители Сейнтстоуна умеют прощать. – Мел взглянула на Лонгсайта, и он в ответ приподнял бровь. Рассказчица встала. – Всё можно исправить. И только ты можешь это сделать. Ты – наша новая Мория.

У меня перехватило горло. Лонгсайт ничего не знал, но Мел... могла ли она догадаться, что мои знаки пришли изнутри, проявились на коже, совсем как у Мории, прекрасной сестры из сказаний? Мел шагнула ко мне, давая

разглядеть рисунки, покрывавшие её тело. Рассказчица – наша живая священная книга. Её голосом звучат сказания, которыми живёт Сейнт-стоун. На коже Мел отражена наша история. Она – живое воплощение нашей веры.

– Чтобы преодолеть пропасть, придётся построить мост. – Мел подошла так близко, что я ощутила аромат благовонных масел, которые втирают рассказчице в кожу. – У пустых есть тайны, которые необходимо раскрыть. Нам известно о дерзких набегах на окраины города, и в последнее время наши противники кражами не ограничиваются. Пустые намерены ослабить нас, они выжидают лишь подходящего случая, чтобы напасть. К сожалению, мы не знаем, когда будет нанесён удар. – Мел печально посмотрела на меня. – Мы не знаем, как сохранить мир. Пока не знаем.

При этих словах я взглянула ей в лицо, а потом повернулась к Лонгсайту. Услышав о мире, мэр непроизвольно скривил губы. Казалось, он едва сдерживает нетерпение или даже голод.

– Когда-нибудь пустые и отмеченные снова станут одним народом, – продолжала Мел. – Такой день обязательно наступит. И чтобы приблизить его, Леора, нам следует проявить сострадание.

Я лишь сверлила рассказчицу непонимающим взглядом. К чему она ведёт?

Лонгсайт вздохнул:

– Они украли наши истории, преврали в них каждое слово, превратили их в яд, сводящий с ума. Пустые, как мы их называем, – во все не олицетворение зла. Большинство – сами жертвы обмана. Их необходимо вернуть на путь истины, добродетели. Они должны услышать правду.

Мел говорила искренне. Она верила в наше учение, в силу его спасения. Однако Лонгсайт, слушая Мел, вовсе не светился от удовольствия. Подозреваю, что, не будь рассказчица столь уважаема в Сейнтстоуне, мэр давно заставил бы её замолчать. Интересно, что им движет? Похоже, за маской сочувствия он прячет холодный расчёт. Важны ли для него наши истории, как для Мел, или он всего лишь стремится стереть пустых в порошок – раз и навсегда?

Так кем мне предлагают стать: мостом доверия или тайным оружием?

– Есть такая старая-старая сказка. – Нежный голос Мел обволакивает, сопротивляться ему невозможно. – Этой истории не найти на моей коже. В ней говорится о том, что однажды сёстры воссоединятся и принесут всей земле мир. – Мел помолчала, давая мне осознать сказанное. – Есть только два способа исполнить предсказание, моя милая: добром или силой оружия. Пустые должны покориться.

Мэр Лонгсайт слотнул, как будто предвкушая победу, мечтая утолить голод власти. Мел

тоже увидела выражение его лица и едва заметно вздрогнула.

– Леора, – тихо произнесла она. – Я искренне надеюсь, что мы вернём пустых на путь истины любовью, а не силой.

– То есть если мы расскажем им правду и они в неё поверят, то сами захотят покрыть свою кожу знаками?

– Я надеюсь, что так и будет, Леора. Об этом мои молитвы. – Мел опустилась в кресло. – Они не ведают, что творят, и нам это радости не приносит. Несчастные бродят во тьме, но их заблудшие души достойны лучшей участи.

Рискованные слова. Мэр Лонгсайт, покашливая, поднялся. Он вышел из-за стола и встал перед Мел, закрыв её от меня своим украшенным искусными татуировками телом.

– Мы полагаем, если ты попросишь у пустых убежища, они тебя примут. Никому другому это не удастся. Только так мы сможем раскрыть их тайны и защитить наш город. – Мэр сосредоточенно смотрел на меня, его голос звучал сладкой музыкой. – Мы с тобой не видели войны, – говорил Лонгсайт, расхаживая по комнате. – Нам повезло. О смерти и разрушениях мы лишь читали в учебниках. Нам не понять ужаса битвы, потому что для нас это лишь слова. Мы привыкли к безопасности и покою и не представляем себе другой жизни. Однако сражения не избежать – попомни мои слова. Если мы ничего не предпримем, предоставим пустых самим

себе, то приблизим собственную гибель. Леора, мы защищаем жителей Сейнтстоуна от худшего, что только можно вообразить, – от страха перед будущим. Сколько ещё детей должно исчезнуть без следа, сколько нам терпеть кражи скота и порчу урожаев? Когда мы найдём в себе силы ответить? Для пустых убийства – забава, и в последнее время эти наглецы ничего не боятся.

Мне вспомнились страшные рассказы о пустых, которые я часто слышала в детстве.

– Мы знаем – как же иначе! – что некоторые жители Сейнтстоуна сознательно помогают пустым. Их имена нам известны.

Я отвернулась, вспомнив о папе, о Конноре Дрю, об Обеле. Об Оскаре.

– Они все ошибаются, однако... – мэр бросил взгляд на рассказчицу, – кое-кто верит, что предателей можно наставить на путь истинный. И если ты нам поможешь, мы не будем их наказывать.

– А если я останусь в Сейнтстоуне?

– Не выйдет, Леора. – Мэр поправил стопку бумаги и ручку с золотым пером, положив их строго параллельно. – Той ночью ты отвернулась от нас. И не надо так наивно распахивать глаза. Как ещё назвать то, что ты устроила на чтении имён? Не пора ли совершить что-то полезное? Например, помочь тем, кого ты, по собственному признанию, так сильно любишь? Отправляйся в Фетерстоун и жди от меня вестей.

Можешь рассказать пустым всё, что тебе известно. Не такое уж сложное задание, правда?

– Вы отсылаете меня? Но куда? Я даже не знаю, где находится Фетерстоун. – Мой голос дрогнул, как у готового заплакать ребёнка, и я нервно слотнула. – Я уже многим пожертвовала.

– Понимаю, – сочувственно кивнул мэр. – Многим... но кое-что ещё осталось.

Пробираясь по лесу, я всё жду, когда же появится неказистый домик из сказки о двух сёстрах. Они жили в нём счастливо, пока не умер их отец-дровосек. И конечно, добрая и справедливая Мория вышла замуж за принца. На её коже появились знаки, оставляя душу чистой и незапятнанной. А другая сестра, Белая Ведьма, скрылась в лесу – её изгнали отовсюду.

Я чувствую, что за мной кто-то следит, но стоит обернуться – за спиной никого.

После разговора с Лонгсайтом я отправилась в студию к Обелю.

– Смотри-ка, выбралась живая-здоровая, – оглядев меня с головы до ног, улыбнулся наставник.

Его серо-голубые глаза могли напугать ученика до полусмерти, однако на клиентов смотрели с неизменной благожелательностью.

Обель провёл пальцами по волосам, слегка отросшим с нашей первой встречи.

– И новых знаков на тебе не прибавилось. Что, принуждали к раскаянию?

Я не знала, что ответить.

– Там была Мел. Они сказали, что я должна попытаться... принять себя такой, какая есть.

– Верно. – Обель пристально посмотрел мне в глаза. – А что они ещё сказали?

– Предложили работать на них.

– А именно?

Я отвернулась.

– Мэр хочет, чтобы я пошла в Фетерстоун.

– Вот как, – задумчиво протянул Обель. – А что ты там будешь делать?

Я промолчала, и наставник печально вздохнул:

– Леора, ты изменилась. Утром в тебе клокотал гнев, ты не собиралась проигрывать эту схватку.

Я пожала плечами.

– Можешь забыть то, что я сейчас скажу. Ты мне ничего не должна. Но кое-что тебе следует знать. Я всю жизнь слушал разные варианты одной и той же истории. Всю жизнь мне, как и тебе, говорили, во что следует верить. Так что я успел понять – эти люди очень убедительно жонглируют словами. Ты рассказала им о себе? О том, что твои знаки появились сами собой?

Я медленно покачала головой.

– Если они пока не знают об этом, то наверняка догадываются. Скорее всего, им известно, как ты сильна, и они предпочитают видеть тебя слабой. Власть предрержащие забираются на самый верх не потому, что они ужасающе плохи, а потому, что они невероятно талантливы, – они умеют убеждать, извращать значение слов и вырывать согласие даже у несогласных.

– Прекрасно! – воскликнула я, и мой резкий вскрик удивил нас обоих. – Что же мне делать? Я не могу остаться в Сейнтстоуне... – Я уже не кричала, а устало всхлипывала. – Что ты предлагаешь?

Помолчав, Обель откинул волосы на затылок.

– Давай выпьем чаю, – спокойно ответил он.

Я смотрела, как Обель заваривает чай, и устало тёрла виски. Вскоре передо мной появилась чашка, над которой поднимался пар. Обель сел напротив и отхлебнул из своей кружки.

– Пожалуй, оставаться здесь не имеет смысла, – сказал наставник. – Лонгсайт прав: кто-то должен пойти в Фетерстоун.

Я рассмеялась. Он шутит! Хотя... если Обель говорит серьёзно, значит, мы в тупике.

– В Фетерстоун?

– Да, именно туда. – Он посмотрел на меня очень строго и внимательно. – Я не верю, что Лонгсайт заставит тебя сделать что-то против твоей воли. Шпионки из тебя не выйдет, девочка моя. Однако всегда полезно узнать свои

истоки. Вспомни, разве ты не хотела выяснить хоть что-нибудь о родной матери?

Я опустила глаза. О матери я думаю каждый день.

– Пустые далеко не идеальны, однако они вовсе не чудовища из детских сказок, и тебе не помешает в этом убедиться. Ты с ними одной крови, и они нужны тебе так же, как ты нужна им. Кто-то должен предупредить пустых о том, что затевают в Сейнтстоуне. Выполнив приказ Лонгсайта, ты отведёшь от себя беду – по крайней мере на время. Будет война, и тебе предстоит сыграть в ней решающую роль. А пока тебе лучше спрятаться, отсидеться в безопасном месте.

У меня даже волосы на макушке зашевелились. Неужели Обель думает, что я стану играть какую-то роль, жертвовать собой ради непонятных мне идеалов?

– Это ты с ними одной крови, а не я! Ты там вырос – вот и отправляйся обратно, – выпалила я, непреклонно выпятив подбородок.

Обель вздохнул:

– Пустые упрямы, они не верят в перемены, совсем как жители Сейнтстоуна. Меня в Фетерстоуне и слушать не станут.

Обель никогда не рассказывал, почему он ушёл из дома. Я собралась было спросить, но снаружи донёсся шум.

Обель оглянулся:

– Странно. На сегодня никто не записан.

Мы встали и тут же подпрыгнули от неожиданности, услышав громкий треск. Кто-то из всех сил стукнул в дверь.

Обель приложил палец к губам.

– Кто там? – невозмутимо спросил чернильщик.

– Эй, Уитворт! Открывай! Я в гости!

Мы переглянулись. В глазах Обеля я прочла удивление и... неужели страх? Этот голос мы хорошо знали.

Джек Минноу.

– Прячься, Леора, – прошептал Обель. – В чулан, и поскорее. Что бы ни случилось, не высовывайся. Поняла? Что бы ни случилось!

Я бесшумно закрыла за собой дверь и села на пол, обхватив руками колени. Джек Минноу. Помню, как я выводила сову у него на плече, а знаки на его коже вопили, грозно оскалившись. Меня тогда охватил необъяснимый ужас, какого я не испытывала прежде. Я тонула, задыхалась в беспросветной мгле.

В чулане было так тихо... меня оглушал звук собственного дыхания. Я попыталась успокоиться. Лязгнул дверной замок, скрипнула дверь – слышались тяжёлые шаги Минноу.

– Джек Минноу! – отрывисто приветствовал гостя Обель. – Разве мы с вами договаривались о встрече?

– Нет, Уитворт, я не записывался на приём, – дружелюбно отозвался Минноу. – Пришёл поговорить с вашей ученицей. Утром Леору

принял мэра, а я хотел бы кое-что добавить к их разговору. Сегодня мне не нужны новые знаки. Хотя, должен признать, в прошлый раз Леора прекрасно выполнила свою работу. И это не удивительно, ведь у неё такой талантливый наставник!

– Спасибо, – негромко поблагодарил Обель. – Леоры нет, и я не знаю, когда она вернётся.

– А вы неплохо разбираетесь в птицах, мистер Уитворт. Ведь так?

В студии стало очень тихо. Я чувствовала шаги Минноу всем телом. Он остановился у двери в чулан, и я затаила дыхание. Он был так близко – я ощущала его присутствие с закрытыми глазами.

Потом задрожала дверь. Не от стука или похлопывания... по деревянной панели резко пробежались костяшками пальцев, медленно царапнули ногтями слева направо. Всего лишь шорох, скрежет, зловещее предупреждение. Как наш гость догадался, что я прячусь в чулане? Кто ему сказал? Ясно одно: Минноу точно знал, где я, и хотел мне об этом сообщить. Джек Минноу приглашал меня внимательно прислушаться к разговору.

– Вы нанесли неоднозначную, даже провокационную татуировку юной, наивной девушке. Как вы думаете, какое наказание вас ожидает?

– Это была неофициальная татуировка, – прервал его Обель. – Преступникам знак вёрона наносят на кожу головы. Правила не

запрещают рисовать вóрона на других частях тела.

– Верно, такова буква закона. А вы педант, Обель! Не знал... И знак, естественно, девушка выбрала сама? Без подсказки?

Тишина.

– Она сама выбрала знак вóрона, не так ли? – повторил Минноу. – И ей никто... не посоветовал? Вы её наставник, Уитворт. Она вами восхищается, возводит на пьедестал. Девушка уловила бы ваш малейший намёк...

Как мне хотелось распахнуть дверь и крикнуть, что знак вóрона выбрала я, моё тело, но я только съёжилась и, дрожа, обхватила колени. Обель велел не выходить, что бы ни случилось. Мои чувства обострились, как у мыши, которая прячется от орла.

– Можете обвинить меня, если хотите, – тихо произнёс Обель. – Я её наставник. Она часто следует моим советам, не буду спорить. Однако знак вóрона Леора попросила нанести ей по доброй воле, без принуждения.

Что-то разбилось, потекла вода – со стола упала чашка с чаем.

– Не трогайте, пусть лежит, – со змеиным спокойствием, от которого у меня кровь застыла в жилах, сказал Минноу. – Странное дело, Обель. Рисунки на вашей коже говорят о доброте и благородстве. Чернила не лгут. Но я знаю, что ваши татуировки – обман. Правда

где-то прячется, глубоко, под кожей, и я до неё доберусь.

– Так прочтите мои знаки, Минноу, – язвительно ответил Обель. – Проверьте меня всего, до самых печёнок. Докажите, что я отступник. – Чернильщик горько засмеялся. – Мне нечего скрывать.

Послышался скрежет – Минноу наступил на осколки чашки, впечатал их в каменные плиты пола.

– В другой раз. Всему своё время. – Он помолчал. – Пожалуй, мне пора, Уитворт. Наверное, Леора ещё не скоро вернётся. – Голос Минноу зазвучал громче, он явно хотел, чтобы я расслышала каждое слово. – Передадите от меня кое-что своей ученице?

– Конечно.

– Наш мэр умеет убеждать, однако иногда он так наивен.

Я прижалась к двери. Что он там говорит о Лонгсайте?

– Он неколебимо верит в свою власть, думает, что все подчиняются ему без лишних размышлений. Однако отступникам требуется... особое приглашение, уж я-то знаю! Передайте Леоре, что пришло время выбирать. Игры кончились. И я, и все мы ожидаем от неё присяги на верность. – В голосе Минноу звенела сталь. – Скажите ей и объясните как следует, что тот, кто не с нами, тот против нас. Пусть отправляется в Фетерстоун и делает, что было сказано,

иначе её друзьям не поздоровится. У пустых её отыщет связной. – Он помолчал и вежливо спросил: – Ну как, чай допили?

Я услышала, как кто-то взял со стола чашку... чашку Обеля... а потом вдруг – глухой удар, щелчок, крик боли... невыносимой боли. Голос Обеля. Наступившую тишину изредка прерывали сдавленные стоны.

– Так передайте Леоре мои слова, Уитворт. Это в ваших интересах.

Послышались шаги. Открылась и тут же захлопнулась дверь. Вскоре раздался голос Обеля:

– Он ушёл.

Дрожа и покачиваясь, я вышла из чулана. Всё было ещё хуже, чем я успела вообразить. Обель сжимал правое запястье левой рукой. Вокруг глубокого пореза уже наливался кровоподтёк. Странно согнутые пальцы Обеля безжизненно повисли.

– Это перелом, – с ужасом произнёс наставник, не веря своим глазам. – Рука сломана.

Я дотронулась до его пальцев. Обель попробовал шевельнуть рукой, и я услышала, как скрежещут друг о друга тонкие кости. Что такое чернильщик без руки? Ничто. На лице Обеля блестели капельки пота или слёз. Он взглянул мне прямо в глаза.

– Пора, Леора.